

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И РЫНКА В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.13

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б. З. Рождение ВЦИОМ как тема историко-социологического исследования. Тарусин М. А. ВЦИОМ. Рождение. Первые шаги в формировании опросной сети (Интервью Б.З. Докторову) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 246—262.

For citation:

Doktorov B. Z. Birth of VTSIOM as the subject of historical-and-sociological research. Tarusin M. A. The birth of the russian public opinion research center (VCIOM): the first steps toward survey networking. Research (Interview to Boris Z. Doktorov). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 2. P. 246—262.

В связи с приближающимся 30-летием ВЦИОМ наш журнал решил опубликовать серию материалов о том, складывались первые годы жизни Центра. Начинаем с короткого текста Б. З. Докторов, который вводит в эту тематику, и его беседы с М. А. Тарусиным, вспоминающим о начале процесса создания опросной сети.

Б. З. Докторов РОЖДЕНИЕ ВЦИОМ КАК ТЕМА ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

РОЖДЕНИЕ ВЦИОМ КАК ТЕМА ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант, почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской Академии социальных наук, Москва, Россия.
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru*

BIRTH OF VTSIOM AS THE SUBJECT OF HISTORICAL-AND-SOCIOLOGICAL RESEARCH

*Boris Z. DOKTOROV^{1,2} — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Independent analyst and advisor; Doctor Honoris Causa; Titular Member
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru*

¹ Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

² Russian Academy of Social Sciences, Moscow, Russia

7 декабря 1987 г. было подписано постановление ВЦСПС¹ и Госкомтруда СССР² «О создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по со-

¹ Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

² Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы

циально-экономическим вопросам» (ВЦИОМ). Таким образом, в конце текущего года ВЦИОМ (в 1992 г. он стал называться Всероссийским центром изучения общественного мнения) исполняется 30 лет. 7 января 1988 г. постановлением Президиума ВЦСПС академик Татьяна Ивановна Заславская была назначена директором ВЦИОМ, 25 января она подписала Приказ № 1 и приступила к руководству исполнению своих обязанностей.

Соглашаясь с предложением ВЦСПС возглавить ВЦИОМ, Т. И. Заславская сразу поставила условие — ее заместителем будет Борис Андреевич Грушин, наиболее опытный, авторитетный и известный аналитик общественного мнения. Факт создания в СССР службы изучения общественного мнения и руководства ею Т. И. Заславской, равно как и ключевое положение Б. А. Грушина в этой новой исследовательской организации был воспринят в стране и за рубежом как знак развития перестроечных процессов и внимания советского политического руководства к социологии. К тому моменту социология в СССР все еще оставалась непризнанной в качестве самостоятельной науки.

Насколько эта новость будоражила политически активную часть населения, видно из воспоминаний Т. И. Заславской о грандиозной пресс-конференции, посвященной открытию ВЦИОМ; она состоялась 28 марта 1988 г. Материалы этой встречи с журналистами были отражены в 21 издании, «на ВЦИОМ обрушилось буквально цунами общественного интереса, телефоны не умолкали, повалила почта... Сотрудники просто обезумели от этого напора и стали всем говорить, чтобы звонили после 15 апреля... Кроме того ВЦИОМ завалила и международная почта, все приглашали нас с Грушиным в гости и хотели сотрудничать» [Заславская, 2007: 599—600]. В подаренных мне Т. И. Заславской нескольких страницах её текста, озаглавленного «История ВЦИОМ в датах», упоминание об этой пресс-конференции сопровождается словами: ««Отсчет времени» начался».

В мае 1988 г. на должность второго заместителя Директора был принят известный экономист Валерий Максович Рутгайзер, а в июле приступил к работе Юрий Александрович Левада. Таким образом, по сути завершилось формирование научного штаба ВЦИОМ. Постепенно строилась опросная сеть, и начали проводиться опросы. В мае 1988 г. Я. С. Капелюш провел первое исследование, в сентябре группа Ю. А. Левады — второе, и в октябре А. Г. Левинсон выполнил третий опрос. В декабре «Литературная газета» опубликовала Новогоднюю анкету ВЦИОМ, которая вызвала широкий интерес у читателей.

На конец года в Центре работало 85 сотрудников, было создано 10 региональных отделений.

Так зарождалась и развивалась история ВЦИОМ. За три десятилетия многое произошло, и непременно все должно быть описано и проанализировано, ведь это — важнейшая часть истории изучения общественного мнения в СССР и России и современной политической культуры российского общества.

Во всей тридцатилетней жизни ВЦИОМ легко выделяются три этапа. Первый: декабрь 1987 — март 1992 гг. (немногим более пяти лет), второй: 1992—2003 гг. (немногим более 11 лет) и третий: 2003 г. — настоящее время (к концу года будет 13 с небольшим лет). На начальном этапе ВЦИОМ возглавлялся Т. И. Заславской, на втором — Ю. А. Левадой, на современном — В. В. Федоровым. Уверен, придет

время, и будет написана история изучения общественного мнения в СССР/России, достойное место в ней займет ВЦИОМ. Но сейчас я вижу существование серьезной, самостоятельной историко-социологической задачи — целенаправленное рассмотрение первого этапа, который справедливо обозначить как «рождение ВЦИОМ».

В чем мне видится значение этой темы? Прежде всего, от нее — никуда не уйти, ибо у всякого процесса есть начало, и оно всегда является функцией многих объективных и субъективных факторов. Их необходимо раскрыть и проанализировать. Во-вторых, историческая правда заключается в том, что у истоков любого крупного общественно значимого события в науке, культуре, в любой области человеческой деятельности стоят крупные специалисты и мощные личности. И в нашем случае это правило несомненно выполняется: Б. А. Грушин, Т. И. Заславская и Ю. А. Левада всем нашим сообществом признаны социологами, внесшими крупные вклады в теорию познания социальной действительности. Кроме того, высоко оцениваются их гражданские позиции. Все это тоже должно найти отражение в анализе процесса рождения ВЦИОМ. Замечу и еще одно обстоятельство: представляется крайне интересным проследить, как сохраняется и как преломляется во времени заложенная в первые годы существования ВЦИОМ методология познания массовых политических и социально-экономических установок населения.

Особая содержательная задача — выявление 30-летней динамики, подвижности предметного поля исследований ВЦИОМ. В его строении и изменении отражаются и макроситуация в стране (мире), и научные предпочтения коллективов ВЦИОМ. Мне представляется, исследования этого рода должны стать своего рода продолжением, развитием задуманного, но не до конца воплощенного в жизнь Грушинского проекта «Четыре жизни России». На основании своих до-ВЦИОМовских проектов Б. А. Грушин описал жизнь страны в Хрущевский и Брежневский периоды, надо «нарастить» все это описанием картины мнений в эпохи Горбачева, Ельцина и Путина. Подобная работа была бы лучшим памятником создателям ВЦИОМ.

В моем архиве хранятся почти все (около 50) сборники «Общественное мнение в цифрах» за 1989—1991 годы. Их основными редакторами были А. А. Ослон и Е. С. Петренко. Сначала они выпускались под эгидой ВЦИОМ, с конца 1990 г. издавались ВЦИОМ и Информационным агентством Data, создателем и генеральным директором которого был А. В. Толстых. Это — коллекция одномерных распределений («линеек») ответов на вопросы, которые задавались в опросах тех лет, также приведены данные об объеме и структуре выборок. Уникальность этого материала определяется тем, что мы имеем возможность, благодаря пионерным исследованиям ВЦИОМ, видеть и анализировать представления, ожидания людей в период кардинальных общественных трансформаций, перехода от однопартийной политической системы к многопартийной и от плановой экономики к рыночной. Люди прощались с СССР, с привычным и в этом смысле комфортным и знакомимся с новой Россией, где все было новым и заставляло тревожиться. Интересно и то, что в этих вопросах проступает логика исследователей, схема их понимания происходивших в стране политических и социально-экономических процессов. Тиражи этих информационных сборников (от 100 до 1000 экземпляров) рассылались по всей стране в различные средства массовой информации, тогда на них был ажиотажный спрос. Сейчас, это, скорее всего, мало известный

исследователям информационный источник сведений о состоянии массового сознания населения СССР / России, к тому же — труднодоступный. Также значимы для истории оперативные отчеты по опросам общественного мнения, проводившимся в те же годы: ксерокопии машинописных материалов объемом в несколько страниц, которые рассылались в региональные отделения ВЦИОМ.

По представлениям многих, информационные бюллетени и названные оперативные отчеты не имели большого значения. Отчасти, подобное понимание статистики общественного мнения и ее оперативных комментариев было оправданным. Ведь картина мнений населения быстро менялась, а в интерпретации «цифры» не было единодушия. Я не разделял подобных точек зрения и внимательно их изучал. Тогда я работал в Северо-Западном (Ленинградском) региональном отделении и в Социологическом институте РАН (современное название), напрямую не занимаясь историей науки, тем более, не планировал изучать историю ВЦИОМ. Но как исследователь общественного мнения я понимал, что получаемые данные обладают не только актуальной значимостью, но «вечной». Действительно, прошедшие 30 лет придали всему этому большое научное значение, это — исходная точка на траектории динамики российского общественного мнения по всем актуальным проблемам страны.

Продемонстрировав существование определенного информационного массива для восстановления содержания первого этапа истории ВЦИОМ, теперь попытаюсь очертить его временные границы.

С началом — все ясно. Если «точечно», то 7 декабря 1987 г., но эта «точка» — лишь формальное начало. Более реалистичное — 25 января, день подписания Приказа № 1. Сложнее — с датированием завершения этапа, но, мне кажется, что цепочка событий в жизни ВЦИОМ позволяет найти конец этого интервала времени, речь пойдет об изменении в руководстве организации. Кажется, что начало этого процесса можно связать с уходом Б. А. Грушина, о котором он известил Т. И. Заславскую в конце августа 1989 г. Причину произошедшего Татьяна Ивановна видела в разном понимании ею и Борисом Андреевичем функций директора ВЦИОМ и его заместителя [Заславская, 2007: 641]. Реально Грушин уволился 1 мая 1990 г.

Пропустим следующие два с небольшим года и вновь обратимся к мемуарам Т. И. Заславской: «Вернувшись в Москву, чтобы с новыми силами приняться за работу, я узнала довольно интересную новость. Оказалось, что во время моего отсутствия Совет трудового коллектива ВЦИОМ единогласно избрал директором глубоко и искренне уважаемого мною Юрия Александровича Леваду. Тем самым как бы «сняв» меня с этого поста. Неожиданно? Странно? Так не бывает? Вроде и так, но это случилось» [Заславская, 2007: 670]. Это произошло во второй половине августа 1991 г. В силу ряда технико-организационных обстоятельств, возник короткий период «...существования двух ВЦИОМов, при этом, — пишет Т. И. Заславская, — легитимным директором виртуального был Левада, а нелегитимным реального — я» [Заславская, 2007: 672]. И далее: «Произвести формальную «рокировку» я предложила 15 марта [БД: 1992 года], перед моей своей командировкой во Францию. Так мы и сделали» [Заславская, 2007: 675].

Так завершился этап рождения, становления ВЦИОМ. Модель его организации была разработана Б. А. Грушиным, а работа коллектива осуществлялась под

руководством Т. И. Заславской. Пошел отсчет времени второго этапа, который с полным основанием можно назвать «Левадовским». Вот как вспоминал Юрий Александрович начало того периода: «Я пришел во ВЦИОМ в середине 1988-го, когда мне это предложили Борис Грушин и Татьяна Заславская. Больше всего меня соблазняла возможность работать с группой старых сотрудников, которая разбрелась за много лет в разные стороны. Это показалось мне настолько интересным и важным, что о том, что можно делать с общественным мнением, я тогда и не думал. Мы оказались втянуты в эту работу, прежде всего эмпирическую, а потом, к сожалению, с моей стороны — уже и в административную. Мы не знали, что произойдет с нашим обществом. Мы не знали, как его можно будет изучать. Мы оказались свидетелями развала одной системы и создания другой, причем и в политике, и в экономике. И мы оказались на самой передней позиции, где это можно было наблюдать. Это было интересно» [Мы и наш ВЦИОМ, 1997: 19].

Сейчас мне плохо известна литература по истории начального этапа ВЦИОМ, но это определенно не «белое пятно». Я придаю важное значение уже цитировавшимся мемуарам Т. И. Заславской и серии коротких интервью с сотрудниками ВЦИОМ, собранных в брошюре «Мы и наш ВЦИОМ». Ценным является названный выше документ Т. И. Заславской «ВЦИОМ в цифрах». Интересные и полезные данные содержатся сборниках о жизни и деятельности Ю. А. Левады, в интервью, проводившихся в разное время с ним и его сотрудниками: Л. Д. Гудковым, Б. В. Дубиным и А. Г. Левинсоном. Я проводил интервью с Т. И. Заславской, а также с А. А. Ослоном и Е. С. Петренко, одними из первых (в феврале 1988 г.), начавших работать в Центре.

В целом я полагаю, что, хотя работа по истории рождения ВЦИОМ может оказаться сложной и трудоемкой, она заслуживает внимания, и многое на этом пути может быть сделано.

Для пополнения информации о событиях почти 30-летней давности я начал проведение серии интервью с теми, кто работал во ВЦИОМ в те далекие годы и готов поделиться своими воспоминаниями.

Сегодня в журнале публикуется первое из задуманной серии интервью, это беседа с М. А. Тарусиным.

М. А. Тарусин
ВЦИОМ. РОЖДЕНИЕ. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ
ОПРОСНОЙ СЕТИ (ИНТЕРВЬЮ Б. З. ДОКТОРОВУ)

ВЦИОМ. РОЖДЕНИЕ. ПЕРВЫЕ ШАГИ
В ФОРМИРОВАНИИ ОПРОСНОЙ СЕТИ
(ИНТЕРВЬЮ Б. З. ДОКТОРОВУ)

THE BIRTH OF THE RUSSIAN PUBLIC
OPINION RESEARCH CENTER (VCIOM):
THE FIRST STEPS TOWARD SURVEY
NETWORKING. RESEARCH (INTERVIEW
TO BORIS Z. DOKTOROV)

*ТАРУСИН Михаил Аскольдович — руко-
водитель отдела социологических ис-
следований Института общественного
проектирования, член научно-эксперт-
ного совета ВЦИОМ*
E-MAIL: mtarusin@yandex.ru

*Mikhail A. TARUSIN¹ — Head; a member
of the expert council of VCIOM*
E-MAIL: mtarusin@yandex.ru

¹ Social Research Institute for Public Planning, Russia

Я благодарен Михаилу Аскольдовичу Тарусину за его согласие вспомнить и ответить на мои вопросы о том, как рождалась опросная сеть ВЦИОМ — важнейший элемент всей системы сбора и изучения мнений населения. Надеюсь, что заинтересованные и знающие читатели этого материала дополнят сказанное Михаилом Тарусиным, возможно, внесут поправки в его рассказ.

Борис Докторов

— Михаил, в каком году ты пришел во ВЦИОМ? Чем тебе пришлось там заниматься?

В 1985 году у многих создалось впечатление, что что-то такое должно случиться, — как пел Окуджава, «ах, завтра, наверное, что-нибудь произойдет».

По крайней мере, у меня было такое чувство, что началось дуновение какой-то новой эпохи.

В 1989 году во ВЦИОМе наступила самая, пожалуй, счастливая пора моей трудовой деятельности. Все было совершенно необычно. Такого со мной не было никогда. Сидят люди, у которых внутри что-то горит и происходит что-то очень радостное, как в фильме «Я шагаю по Москве». В нашем коллективе все были счастливы. Я понимаю, почему. Столько лет все гнобилось, все было под спудом. И эти люди, эти профессионалы, пришедшие сюда, копили силы, думая, что они никогда не пригодятся, так и придется уйти в могилу. И вдруг они оказались востребованы. Они, как Илья Муромец, который 33 года на печке лежал, а потом встал и с легкостью мог все делать: и дерево выдрать, и камень отвалить откуда угодно.

И, конечно, антураж. Отель! Дом туриста. Чай в номерах, можешь пойти принять душ, который тут же, — пожалуйста. То есть из этой унылой действительности, этих мрачных коридоров, рож чинуш, совершенно омертвелых, — вдруг сразу в такую атмосферу! Кроме того, Борис Леденев, наш завхоз, выбил посещение бассейна по средам, причём с утра, полагая, что вечером народ уже устал. Уходили с работы поздно, работали «за дело», как говорится, а не по времени. Это был счастливый период в моей жизни, очень. Хотя в этом было что-то детское, наивное.

А какие вокруг были персонажи! Сидел Ю. А. Левада, как Кутузов, немножечко развальясь, не хватало повязки еще на глаз. Он, кстати, иногда засыпал на совещаниях — его никто не будил, потому что каким-то своим третьим ухом он все нужное слышал. А Б. А. Грушин у меня ассоциировался с Суворовым: невысокий, быстрый, вечно в движении; если вдруг раздавался страшный гром, мы знали: это Грушину что-то не понравилось, и он выражал свое недовольство. Это — титаны, атланты отечественной социологии. С этих людей все начиналось в далеких 1960-х, и на их плечах стоит сегодня российская социология. А если более приземленно — Т. И. Заславская была директором ВЦИОМа, Б. А. Грушин — первым заместителем директора, а Ю. А. Левада возглавлял отдел теории.

— Согласен, обстановка во ВЦИОМе в те годы была именно такая. Теперь, пожалуйста, расскажи о своей работе.

Жизнь мою во ВЦИОМе можно разделить по времени на две неравные части. В первой жизни мы — я, Сергей Новиков и Екатерина Козеренко — под нежным, но твердым руководством Елены Петренко проектировали всесоюзную выборку, а точнее — разные ее виды. Но для этого надо было собрать статистические данные о жителях в разных типах населенных пунктов страны: республиках, областях и районах. Рассчитать квоты по полу и возрасту — а они везде разные. Госкомстат данные свои публиковал в абсолютных величинах, их надо было сложить для жителей в возрасте 18 лет и старше, пересчитать в процентах, привязать к конкретному региону, согласовать с типом выборки и т. д. Я до сих пор считаю, что в Европе в течение года-двух эту работу делал бы институт человек из ста, вооруженных сотней супер-ЭВМ. А нас было только трое, как в песне поется. Но мы были молоды, весело злы, мы не знали, сколько для этой работы нужно европейцев, и сконструировали эту выборку в зверски короткие сроки.

Параллельно я, из личных побуждений, писал программу исследования религиозности общества. Программу эту, как и все прочие, долго и придирчиво обсуждали на методическом совете ВЦИОМа. Да, в те времена, когда каждая анкета была уникальной, писались разделы: «проблемная область», «гипотезы исследования»,

«Цель и задачи», «Объект и предмет исследования», «география опроса», «выборка и организация», «операционализация основных понятий», «аналитические задачи исследования» (не путать с «основными»), «научно-практические результаты» и проч. И все это называлось — «Программа исследования».

Сегодня, когда опросы проводят, как семечки лузгают, я чувствую себя пилотом дореактивной авиации — скорости небольшие, зато не по приборам идем, а по смекалке и на честном слове. Вот примерно такая была первая жизнь.

А вторая началась в отделе организации исследований.

— Создателем сети ВЦИОМ по сбору данных (не помню, как она точно называлась) был Яков Самуилович Капелюш. Как я понимаю, ты сменил его на посту руководителя этой сети. Тебе удалось поработать с ним, или тебя пригласили во ВЦИОМ на эту должность после смерти Капелюша? Что представляла собой эта сеть на момент начала твоей работы?

... При Якове Самуиловиче было открыто 25 отделений, остальные открывали уже без него. Всего было где-то за 40 к 1993-му, дальше я сам ушел, не знаю...

— Я так понимаю, что сказанное тобой — конспект того, о чем ты мог бы рассказать подробно. Отлично, попробуем вместе раскрыть эту тему... Прежде всего, когда это было, когда ты включился в создание сети? Что на тот момент было уже сделано? Каким было общее видение (будущей) сети? Как принималось решение об организации новой «точки» по сбору информации? Как находили будущих руководителей?

Сначала о моем назначении.

Меня назначили на место Капелюша сразу после его смерти. Точнее, еще до нее «временно исполняющим обязанности». Конечно, тут руку приложила Елена Петренко. Во-первых, я был ее выдвиженцем, во-вторых — уже проявил себя в группе выборки, был деятелен, смышлен и, по ее мнению, готов на большее. По-видимому, другие руководители ВЦИОМа это мнение, если и не разделяли, то, по крайней мере, не отвергали. Я был молодой креатурой, а ВЦИОМ — молодой организацией, где молодым — дорога.

Тут еще было одно обстоятельство. Одним из замов Заславской был Валерий Максович Рутгайзер, человек деятельный, принципиальный, не любивший склонять голову против несправедливости, от кого бы она ни исходила. А, как известно, официальными патронами нашими были Госкомтруд и ВЦСПС. Если Госкомтруд нас контролировал не шибко, то ВЦСПС регулярно приставал с какими-то административными глупостями.

От ВЦСПС даже периодически приходил какой-то рослый начальственный дядька с красной мордой, и как-то раз я застал его в коридоре натурально и громко орущим на растерянную Елену Петренко. Я тут же сам наорал на него, после чего он, смутившись, быстро попросил у Елены прощения и после этого вел себя заметно тише — хамы отпора не любят.

Но все же письменного приставания было много, и очередное, выраженное в очевидно идиотском письме с требованием срочно дать им отчетность по каким-то идиотским же показателям, было эмоционально воспринято Валерием Максовичем как грубое вмешательство в нашу работу и самостоятельность. По сути, так оно и было. Жаждающий справедливости Рутгайзер сочинил возму-

щенное письмо, чтобы отправить его «жестокосердным гонителям». И тут выяснилось, что, кроме него самого, никто из руководства подписывать письмо не хочет. Заславская сказала, что это не ее уровень (и была, видимо, права), остальные не хотели связываться со всесильной вышестоящей гадостью. Рутгайзер с огорчения обратился ко мне — я все же был каким-то начальником (Е. Петренко к тому времени поставила руководителем группы выборки меня, а сама ушла в ученые секретари). А мне что — в жизни никогда начальство не жаловало и его не боялся, что оно мне сделает? А и сделает, не велика печаль, я, как навсегда беспартийный, карьеру делать не собирался. Я письмо тут же подписал, чем заслужил неожиданное для меня уважение Валерия Максевича. Он всем стал говорить: «Это надо же, все испугались, а Тарусин не испугался. Вот молодец какой».

Видимо, по причине этого уважения он стал сильным сторонником моего назначения заведующим отдела организации, уверяя всех, что «Тарусин ответственности не боится и умеет брать ее на себя».

Теперь о том, что было сделано, и что еще планировалось.

Если память не изменяет, было запланировано сверху создание 35 штатных отделений ВЦИОМа по всему Союзу. Это 14 отделений по республикам, Центральное Московское отделение (Москва и область) и 20 отделений по России. Как я уже говорил, на момент смерти Капелюша работало 25 отделений, остальные создавались позже.

Расскажу, как искали и набирали людей в эти отделения.

Социологов как таковых в стране практически не было. И откуда им было взяться? Кафедры социологии, если при каких факультетах и были, то это капля в океане — как кафедра методики конкретных социологических исследований на философском факультете МГУ, которую я и закончил.

Однако с начала 1980-х в стране вдруг стали развивать производственную заводскую социологию, от полной безнадёги посчитав, что она чем-то может помочь постоянно падающей производительности труда. Я сам начал свою социологическую деятельность с заводской социологии в подотраслевом светотехническом институте ВНИСИ, где полтора года проводил под руководством харьковского социолога Юрия Львовича Неймера нудную и никому не нужную социальную паспортизацию. Под нее на каждом заводе подотрасли (а их было под 50) выделяли человека. Он собирал «объективную информацию» по присылаемым таблицам, проводил анкетирование рабочих, порой по 300—500 человек, оформлял это и отсылал мне. А я со своими девочками в отделе сводил все в общие показатели сначала на калькуляторе «электроника», а потом на компьютере ЕС 1012. Компьютер тогда занимал две комнаты громадных стальных шкафов с крутящимися бабинами. Вот были времена!

Кончено, ничего путного из этой заводской социологии не вышло, но какие-то любительские социологические кадры стали появляться. Были и талантливые самоучки вроде Якова Лазаревича Эйдельмана, который в Ярославле создал целую школу заводской социологии. На совещаниях в Харькове его все почтительно звали «мэтр». Коим он и был.

Были еще и институтские социологи, которые обычно сидели в отделах НОТ (научной организации труда, где сидел и я), Бог знает, чем они там занимались,

но тоже как-то самообразовывались. Были и самоучки-любители на местах. Короче, в российских регионах было из кого выбирать. Кто-то кого-то знал, кто-то кого-то посоветовал («снежный ком»), кто-то предложил сам себя.

Надо еще учитывать, что работать во ВЦИОМе было очень престижно. Плюс очень хорошая зарплата (я как начальник отдела получал 250 рублей плюс ежемесячные премии рублей по 50 — очень хорошие деньги в то время). К тому же отделения практически сразу обеспечивались техникой — настоящим персональным компьютером, IBM XT (потом были AT), телефоном, факсом, принтером, ксероксом, помещением, и (если ты начальник) штатом в два-три сотрудника, в зависимости от региона.

Желающих объяснить стране ее общественное мнение было навалом — только выбирай. Кстати, регионы определяли с таким расчетом, чтобы отделение, кроме своей области, могло бы проводить опросы и в соседней, а лучше — и не в одной. Для этого в соседних областях искали супервайзеры, которые работали по договору в зависимости от объемов нагрузки (размеров выборки).

Проще было подбирать людей в республиках — там все же искать надо было в столицах. И людей больше, и связей. Так в Днепропетровске появилась Людмила Овчинникова, веселая и неунывающая, в Киеве уже и сам был известный всем Николай Николаевич Чурилов, в Крыму я нашел вполне приличного дядьку, который периодически проводил небольшие опросы — выборки там были меньше 100 при 3000 по стране. В Алма-Ате проявлял сильную активность амбициозный и деятельный покойный Сабит Жусупов. В Риге сама себя предложила Людмила Мотаева, человек инициативный и легко обучаемый, в Таллине был степенный и уже хорошо обученный Андрус Саар (тоже уже умер). В Таджикистане я сам пробивал офисную технику (которой на всех не хватало) Садыку Чорубкашеву, человеку крайне ответственному и порядочному. Судьба его потом сложилась печально, он попал в водоворот трагедии в своей стране, потерял все, что имел, чудом выжил сам, но остался мужественным и добрым человеком. Многая ему лета.

Когда все 35 отделений были сформированы, с особо нужными и продвинутыми профессионально, желающими вносить свой вклад с общественное мнение страны заключали трудовые соглашения. По ним человек считался внештатным сотрудником ВЦИОМа и оплату получал согласно производственной нагрузке. Так, к примеру, возникла во ВЦИОМе Наталья Сидоренко из Кемерово, женщина крепкой и солидной (во всех отношениях) натуры, невероятно активная: ее энергии хватало сразу на десять дел, и все их она успевала сделать хорошо и в срок.

Вот так и развивалась сеть, потом, когда СССР не стало, многие отделения ВЦИОМ стали самостоятельными Центрами и начали проводить исследования сами и сотрудничать со вновь появившимися тогда исследовательскими компаниями, но это, как говорит в своей передаче Томин, «уже совсем другая история».

— Зажила история, очень интересно. Пожалуйста, назови основные функции, которые осуществлял твой отдел, и назови имена тех, кто работал вместе с тобой.

Если можно, начну наоборот. После Капелюша в отделе было две группы — группа выборки и группа организации, а сам отдел назывался отдел проектирования

выборки и организации и проведения исследований. В группе выборки были, как я выше сказал, программист Сергей Новиков, Екатерина Козеренко и сначала зав. группой я, а после моего ухода им стал Виктор Ларкин, которого я и привел. Ларкин (которого тоже уже с нами нет) окончил философский вместе со мной, и тоже кафедре социологии, так что был полным профи, как и я. Он был очень высоким, за два метра, выше меня даже, при моих 1,92. При таком росте Виктор был как-то особо удлиннен, весь как-то нарочито вытянут и растянут, худ и очень нелеп. При всем том, это был самый умный, добрый и порядочный человек из всех, кого я знал. Как-то раз Рутгайзер спросил у Виктора, сколько в нем роста, и тот так смущенно пробубнил «два и три метра», что Валерию Максовичу послышалось «два-три метра». С тех пор он так его и называл — метра два-три. С приходом Виктора во ВЦИОМ вышла история.

Елена Петренко его знала, но решила дать ему испытание следующего рода. Тогда трансляции заседаний Верховного Совета шли по телеку в прямом эфире целыми днями без остановки. Петренко придумала посадить Ларкина перед экраном дома, чтобы он фиксировал, кто выступает с трибуны и о чем говорит. Сидеть надо было весь день, это был экзамен на усидчивость (в самом прямом смысле слова). Через три недели совершенно осатаневший Виктор с горечью говорил мне, что ему эти проклятые депутаты уже в страшных снах снятся, что он возненавидел демократию и что если его после этого кошмара не возьмут во ВЦИОМ, то он навсегда потеряет веру в человечество.

Во ВЦИОМ его взяли, и пораженная результатами Елена Петренко даже написала какую-то ученую статью по Витиному материалу.

Вторым участником группы была Екатерина Козеренко, славная исполнительная девушка, которая и сейчас (начало 2017-го года) работает в Левада-Центре. О Сергее Новикове тоже надо сказать особо. Он был программистом от бога и вечно писал какие-то программы на продвинутом компе. Такие компы были только у него и у Александра Ослона с его программистами. Сергей был едва ли не рассеянее Ларкина, оба они были совершенно не от мира сего, оба люди юродиво-порядочные, но Новиков еще и совершенно погружен в виртуальный мир компьютера и, по-моему, никогда из него не вылезал. Это именно он написал первую программу перевзвешивания выборки и первую для ВЦИОМа программу кластерного анализа, а потом долго и терпеливо учил приходивших социологов Левадовского отдела тому, как с ней работать. Жизнь дала ему много тяжелых испытаний, которые подорвали его здоровье, и он скончался в первой половине нулевых. Я всегда вспоминаю его со светлым чувством.

Повседневная работа группы заключалась в том, чтобы принять у социолога, ответственного за конкретное исследование, задание на разработку выборки с учетом всех его пожеланий по регионам и возможным тонкостям, к примеру, наличию флюсов (т. е. намеренному увеличению выборки в определенных целях). После разработки выборки по всем параметрам (регионы, центральный и периферийные города, районы сельских поселений, квоты на пол и возраст респондентов) выборка передавалась на контроль ученому секретарю Лене Петренко, а от нее шла в группу организации.

На момент моего прихода группа состояла из Веры Никитиной, Ларисы Дацко, Елены Интизарьян, Инны Самуиловны Шпилевой... и меня в качестве начальника.

Из перечисленных Вера Никитина всегда казалась мне значительнее и глубже того, чем она занималась в отделе. Так, в сущности, оно и было. Она была очень умна, всегда спокойна и рассудительна и часто давала мне дельные советы человека, много повидавшего и много из того извлечшего. Надо сказать, что все в группе организации на тот момент были старше меня, и, порой, значительно. Поэтому я сразу сказал, что в начальника играть не намерен, что решать мы все будем сообща и что начальство мое будет выражаться только в том, что орать по случаю будут только на меня.

Лариса Дацко и видом своим и действиями выражала полную надежность. Я всегда про всех знал, что не подведут, но про Ларису знал это особенно ясно. Порой из-за этого ей доставались самые «тяжелые» регионы. Когда кто-то из жалости предлагал ей поменяться, она отказывалась, говоря, что ей это несложно и что нечего огород городить.

Инна Самуиловна была самой старшей. Она довольно скоро ушла, поскольку работы у нее все прибавлялось, а сил — нет.

Из всей группы человеком, наименее подходящим для этой работы, всегда казалась мне Елена Интизарьян. Молодая внешне очень интересная незамужняя женщина с заметным, порой скрытым огоньком в живых темных глазах, она была как-то не на своем месте. Я (думаю, что и другие тоже) чувствовали в ней стремление к иному в жизни, но пока она работала честно и ответственно, как и все. Позже, как я слышал, она вышла замуж и уехала в Америку, и я от души желаю ей любви и семейного счастья.

Работа группы заключалась в том, чтобы по разработанной выборке сформировать пакеты с анкетами и отправить их поездами в регионы.

То были благословенные времена, когда самой скорой, дешевой и надежной почтой были поезда дальнего следования и почтальоны — проводницы вагонов. Курьеры (сотрудницы группы организации), увешанные посылками, отправлялись на вокзалы к поездам и ранним утром, и поздней ночью. Они должны были тут же отзвониться с вокзала (напомню, без мобильных жили) и проорать в трубку номер поезда и вагона, когда он будет на месте, как зовут проводницу. И тут же сотрудница на работе садилась на телефон, часами дозванивалась в разные города и страны (тогда союзные республики) и сама уже орала в трубку коды и пароли. Связь телефонная по межгороду в те годы напоминала кадры военного фильма — комбат ревет в полевую трубку что-то насчет снарядов, причем немец через поле его слышит, а на том конце провода наш полковник — нет.

Учтите, что некоторые поезда шли всего ночь (скажем, в Ленинград), поэтому оперативность была необходима. Периодически посылки терялись, но, когда в ту сторону — еще полбеды, вот когда обратно, уже с бесценным, желанным, ожидаемым общественным мнением в каждой анкете, — вот тогда беда. Чаше опаздывал курьер к поезду. Поезд отгоняли на запасные пути, и провинившийся лез в вокзальные «зады», разыскивая пропавший поезд, а потом еще и искомый вагон — поезда имели вредную привычку менять номера вагонов на пересцепке. Тогда шли в ход особые приметы: толстая такая проводница, нос красный такой, Клава, в розовых гольфах. А Клава заперла вагон и пошла в город за колбасой (сама она из Ижевска, а там колбасы уже пять лет нет), и сидит на бревнышке

курьер и ждет ее. И тащится она с пятью батонами «Любительской» и еще издали орет: «Вовремя приходите надо, вот жди теперь, пока с делами управлюсь!»

Но главное — вот оно, общественное мнение, 150 анкет, бесценный груз. И отдел организации облегченно вздыхает в полном составе, а рядом так же вздыхает ответственный за проект социолог, которому, как только что выяснилось, без Удмуртии — смерть, и он уже почти был готов ее принять.

И так... ну, не каждый день, но в неделю раз-другой — точно. Были попытки усовершенствовать методику. Я сам искал свежие идеи, но все они разбивались о советский быт. Как-то Борис Леденев, наш смекалистый завхоз, нарыл где-то ни много ни мало фельдьегерскую связь. Это было нечто! К нам в отдел входил гренадер метра два ростом, с непроницаемым рубленным ликом, в щегольской форме, оглушительно щелкал каблуками, отдавал мне честь (оторопевшему патлатому салаге) и вручал пакет с посылкой, за который я расписывался в солидной книжке. Или забирал пакеты у нас и увозил на аэродром, где вручал под роспись лично командиру экипажа гражданского или военного борта, и тот брал секретный груз пустых анкет в кабину пилота и лично головой отвечал за него. Но это длилось недолго, сейчас уже не скажу почему. То ли затрещал наш бюджет «отправных» денег, то ли сама фельдьегерская служба, узнав, что она перевозит, послала нас куда подальше — секретная правительственная почта, между прочим.

Как-то во ВЦИОМ пришел тихий изобретатель с черной коробочкой с кнопками и лампочками. Он уверял, что в коробочку можно загнать немереное количество анкетных ответов, если настроить ее должным образом. Собрался консилиум, и Александр Ослон — спец по электронике — долго недоверчиво вертел коробочку в руках. Та игриво подмигивала. Узнав, что нам гипотетически потребуется не меньше тысячи коробочек, изобретатель стал менее спокоен и более говорлив. Но тут мне пришла в голову картинка — как будет выглядеть с этой коробочкой интервьюер. Я высказал опасение, что если сегодня наших интервьюеров изредка забирают менты (по стуку бдительных граждан), то с такой коробочкой не хватит у нас сил вытаскивать их из дурдомов, куда их будут отвозить напрямик из квартир сочувствующих респондентов.

Изобретателя выпроводили. Кстати, в те беспокойные времена таких визитеров было немало. Однажды у меня в кабинете нарисовался взъерошенный тип и объявил, что создал систему, по которой можно прогнозировать все. Он было разошелся, и я только ошеломленно спросил, кто его ко мне направил. «Просили не говорить», — заговорщицки шепнул он и подмигнул. И тут же развернул тетрадь, испещренную графиками и кривыми. Через десять минут я опомнился и сказал: «Вот что, я не по этому делу. Но вот в конце коридора налево сидит Инна Владимировна Рывкина — она специалист по прогнозам. Только не говорите, что я послал, у меня с ней напряженные отношения (ложь во спасение)».

Потом я узнал, что доверчивая Инна Владимировна вникала в его систему два часа и долго потом выясняла по ВЦИОМу, кто ей подсуропил «этого психа».

Тут следует сказать, что объем исследований постоянно возрастал, и отделений становилось больше. Соответственно, возрастала нагрузка на наших сотрудниц, значит, и их требовалось все больше. Так в отдел (группа выборки к тому времени

сама стала отделом) пришли новые люди — Владимир Парфенов, тоже мой друг однокурсник, парень очень умный и тогда собирающийся вершить судьбы мира. Он был по-хорошему самоуверен и не знал в жизни преград. На любое трудное дело он отвечал: «Легко!» и действительно делал его легко и с удовольствием. Некомпетентности и заносчивости Парфенов не любил. Я сам был свидетелем, когда один не очень умный региональщик затеял с ним заведомо проигрышный методический спор. «Я вам докажу!» — разорвался региональщик, на что Владимир только мило улыбнулся: «Не советую и пытаться, бледно будете выглядеть, молодой человек». Тот поглядел на Парфенова и как-то скис. Надо сказать, что Парфенов был бывший десантник, имел развитую мускулатуру и явную уверенность в своих силах, что передавалось окружающим.

Пришел к нам Алексей Елизаров, которого я знал еще по отделу социологии института культуры, он был очень знающим полевиком. Потом пришли Оксана Акулова, Нелли Абдулхаерова, Ольга Меньшикова, и в отдел перевели из референтов Лейлу Васильеву. Все они и сейчас составляют костяк отела организации исследований Фонда «Общественное мнение», и это говорит о них больше, чем могу сказать я. А я только могу сказать им спасибо за то, что я с ними работал.

Постепенно мы обрели железную уверенность в себе, и когда истеричный социолог-аналитик вбегал к нам, заламывая руки и в визгливой патетике восклицал: «Где мои анкеты? Где они?! Где?!», наша Лариса Дацко (или Оксана Акулова, или Вера Никитина, или Лейла Васильева, или Нелли Абдулхаерова), выслушав его с видом удава, спокойно, тоном медсестры говорила: «Спокойно. Когда у нас сдача? Завтра в 12.00? Идите к себе, выпейте рюмочку. Завтра. Все. Будет».

Это сейчас базы данных летят из города в город со скоростью Интернета, и операторы в Центре тихо матерятся по поводу качества ввода. И «перевзвешивают кривые массивы» лихой программой, прямой праправнучкой той первой, которую разработал когда-то на хилой для нас сегодняшних АТ тихий гений Сережа Новиков.

Конечно, мы не только анкеты запечатывали в пакеты. Что-то писали, делали какой-то анализ, участвовали в бесконечных обсуждениях, что-то изобретали, сидели на семинарах, выезжали в города и республики. Короче, жили полной научно-практической жизнью, учились у нее, строили планы, переезжали в новые здания, выросли, были счастливы или несчастны в личной жизни.

В начале 1990-х образовалась возможность поехать на стажировку в Голландию. Предложили мне, как начальнику. На что я твердо заявил, что пока не съездят мои сотрудники, ни в какую Голландию меня не выманят. Сказал я это не из какого-то благородства, а из простых соображений, что я молодой и на мой век еще возможностей будет, а у замученных вокзалами наших «девочек» уже вряд ли. После чего некоторые и съездили, а сам я позже объездил больше 30 стран, и в некоторые из них попал не по воздуху и не по земле, а сам пришвартовался на парусной яхте к пирсу, поскольку стал к тому времени шкипером с сертификатом, выданным мне лондонским королевским яхт клубом. Впрочем, это тоже совсем другая история.

Такая была жизнь в начале 1990-х во ВЦИОМе, откуда все мы вышли на просторы отечественной социологии и своей судьбы.

— Вы получали от исследователей готовый опросный документ или участвовали в пилотаже материалов?

Пилотажем занималось московское отделение, которое возглавляла Елена Конева, впоследствии известная как глава компании КОМКОН. Да и то тогда, когда этот пилотаж признавался необходимым в силу методологических соображений, что было далеко не всегда. В те времена постоянно действовал методический совет, возглавляемый Людмилой Александровной Хахулиной. Этот совет обсуждал до одури все анкеты и вопросы и доводил их до патологического совершенства. Если же не случалось достигнуть научного консенсуса, только тогда использовали пилотаж, обычно московского отделения и в редких случаях — некоторых особо продвинутых региональных.

— Как формулировалось задание по выборке для отделений? Не помнишь ли ты, какой была возрастная шкала, какие были группы по образованию, по социальному положению?

Обычно задание приносил социолог-аналитик на бумаге, где была описана методика опроса, особые пожелания (если были) и сроки поля. Там же была и выборка, уже заранее нам известная. Многие опросы, такие, например, как ВЦИОМовский омнибус, шли практически автоматом, разве что в них не случались какие-то особые разделы.

Шкалы можно посмотреть в старых анкетах ВЦИОМ. Пойду поищу...

Нашел кучу всего, что считал навсегда утраченным. Кроме анкет, которые, точно знаю, где-то лежат. Нашел одну, но это опрос безработных, поэтому шкалы «социальное положение» в ней нет. Есть следующие:

Пол: муж, жен; сколько полных лет _____, образование:

- нет образования
- начальное (4-е класса)
- неоконченное среднее (с 5 до 8 классов)
- среднее (10 классов)
- Среднее специальное (техникум. ПТУ)
- Неоконченное высшее (3 курса вуза)
- Высшее
- Другое

Но я помню, что возрастная шкала была и интервальная, вроде так:

18—19

20—25

26—30

31—35

36—40

41—50

51—55

55—60

61—65

Св. 65-ти

В отдельных случаях было и менее 18-ти (исследования молодежи).

Социальная шкала примерно такая:

Руководитель высшего звена
Руководитель среднего звена
Руководитель низшего звена, бригадир, мастер
Специалист
Служащий
Рабочий высокой квалификации
Рабочий средней квалификации
Рабочий низкой квалификации, неквалифицированный рабочий
Работник сельского труда
Учащийся средней школы
Учащийся техникума, ПТУ
Учащийся ВУЗа
Временно не работающий
Инвалид
Пенсионер
Другое

Шкала могла меняться в зависимости от темы и характеристик опроса, но в целом примерно так.

— Мы немного потеряли счет времени, по-моему, мы подходим к 1991 году — моменту создания ФОМа. Так?

Да, верно. Когда создавался ВЦИОМ, мы думали, что важнейшее дело делаем. Как же мы в демократической стране можем без общественного мнения? Сейчас все кинутся нас спрашивать — и мы всем все расскажем! И вот с этим ощущением я лично прожил где-то год-два. Потом мне начали закрадываться в голову нехорошие подозрения, что не все так просто. Почему-то не кидаются к нам особо. Пишем какие-то отчеты в ВЦСПС, а газеты нас мало печатают: боятся наши цифры публиковать: это не будем, то будем...

А ФОМ был создан как некая коммерческая структура при ВЦИОМе — структуре государственной. Каким-то внутренним чутьем я понял, что это начало разделения. И написал тревожное письмо Татьяне Ивановне Заславской на десяти страницах... Потом все случилось, как я написал. Я считал, что разделение одного коллектива на две части, которые работают по совершенно разным основаниям, приведет к расколу сначала психологическому, потом творческому, а затем к расколу организационному. И пока не поздно, надо дело это свернуть, надо создать другие формы — благо наш полуофициальный, полугосударственный статус это позволяет.

— Ты помнишь реакцию Татьяны Ивановны?

Она согласилась с моими опасениями, но в тот момент она уже, видимо, какие-то шаги сделала и обратно идти не могла, даже если бы очень хотела.

Между тем время шло — мы тогда уже жили на улице 25-го Октября, и я стал чувствовать, что ВЦИОМ начинает немножечко закисать. И теперь мне показалось, что одним из выходов может стать разделение научной части ВЦИОМа и организационной. Организационную часть лучше передать в Фонд и, тем самым, сделать ее коммерческой, а научную оставить, как было. И на этом можно зарабатывать деньги. Я предложил такой вариант Леваде, который тогда

уже был директором ВЦИОМа. Предложение не встретило понимания у Юрия Александровича.

А у меня нарастало ощущение, что ВЦИОМ как-то «заболачивается». Что-то непонятное происходит, какая-то рутина идет. И когда А. Ослон начал кампанию за то самое отделение ФОМа от ВЦИОМа, я, не желая оставаться в болотистой местности, пошел с ним. Наш уход был оправдан, но, как и при любом разводе-раздоре, было в нем что-то нехорошее, как я сейчас помню.

Состоялось собрание, на котором я должен был выступить, — объявить о создании ФОМа с новым уставом. На это собрание пришел Левада. Когда я стал выступать, он поднял руку. Но я сказал: «Юрий Александрович, сейчас я сделаю заявление, потом дам слово всем желающим». А заявление было такого рода, что, собственно, выступать-то после него было уже не нужно. Он резко встал и с не свойственной ему стремительностью вышел из зала. А у меня осталось чувство, что я что-то сделал нехорошо.

Много лет спустя я зашел во ВЦИОМ, который находился тогда возле театра Гоголя на Курской. Я шел по коридору и вдруг увидел маленький кабинетик с открытой дверью. Там дремал в кресле Левада, в своей обычной позе. Я зашел к нему, он меня встретил очень вежливо, сказал: «А, Михаил Аскольдович, присаживайтесь, садитесь...» И тогда я искренне попросил у него прощения за тот эпизод своей биографии. И он, как мне показалось, с облегчением меня простил. Мы пожали друг другу руки. Левада отнесся ко мне милостиво и со снисхождением.

Это было время, когда под руководством Юрия Александровича ВЦИОМ (после выхода из него Фонда «Общественное мнение» и превращения его региональных отделов в самостоятельные организации) успешно изучал общественное мнение россиян и многое делал в области развития методологии и техники проведения опросов.

Список литературы (References):

Заславская Т. И. Избранные произведения. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М. : «Экономика», 2007. [Zaslavskaya T. I. (2007) Selected Works. Vol. 3. My life: memories and reflections. M.: Economica. (In Russ.)].

Мы и наш ВЦИОМ. Вып. 1. М. : ВЦИОМ. 1997. [We and our VCIOM (1997). Vol 1. M.: VCIOM. (In Russ.)].